

С.А.Кучеренко

СУВЕРЕНИТЕТ И ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

Сергей Анатольевич Кучеренко — аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: oldjeffrey93@gmail.com.

Аннотация. Одним из наиболее значимых трендов последних лет в мировой политике является нарастающий скептицизм в отношении интеграционных проектов и международных институтов *per se*. Правовопопулистская волна, захлестнувшая западные демократии, сопровождается ростом риторики, утверждающей вред интеграции и важность защиты суверенитета. При этом такого рода установки зачастую связываются с политическим реализмом.

Политический реализм — чрезвычайно разнообразное направление в теории международных отношений. Не претендуя на разбор всех его разновидностей, автор концентрирует внимание на подходах к проблеме суверенитета и интеграции основоположника политического реализма Ганса Моргентау, сыгравшего ключевую роль в его становлении.

Проведенный автором анализ показывает, что политический реализм в его классическом изводе не может служить обоснованием суверенитета как высшей ценности. Более того, он может быть использован для критики системы взглядов, делающих упор на ценность суверенитета. Стремление политических образований к обособлению в предельном случае приводит к распаду мирового сообщества на множество государств, неспособных вести диалог кроме как с позиций силы, что ставит под угрозу международную безопасность. Как следствие, реализм постулирует необходимость преодоления тенденции к суверенизации через интеграцию. Однако каких-либо реальных путей к решению этой задачи в нем даже не намечено. По заключению автора, предложенный Моргентау проект возрождения дипломатии как способ если не объединить государства, то подтолкнуть их к созданию пространства для диалога эту роль выполнять не может, что свидетельствует о необходимости поиска принципиально иных решений.

Ключевые слова: суверенитет, политический реализм, интеграция, Ганс Моргентау

Одним из наиболее значимых трендов последних лет в мировой политике является нарастающий скептицизм в отношении интеграционных проектов и международных институтов *per se*. Правовопопулистская

волна, захлестнувшая западные демократии, сопровождается ростом риторики, утверждающей вред интеграции и важность защиты суверенитета¹. При этом такого рода установки зачастую связываются с политическим реализмом². Насколько подобная трактовка правомерна?

Политический реализм — очень влиятельное и при этом чрезвычайно разнообразное направление в теории международных отношений³. Не претендуя на разбор всех его разновидностей, в настоящей статье мы сосредоточимся на подходах к проблеме суверенитета и интеграции основоположника политического реализма Ганса Моргентау, сыгравшего ключевую роль в его становлении. Высказанные еще в середине прошлого столетия идеи Моргентау привлекают сегодня все большее внимание исследователей. Если еще относительно недавно Моргентау «чаще цитировали, нежели читали»⁴, то теперь предпринимаются попытки переосмыслить его наследие, дав ему актуальную трактовку⁵. Как справедливо отмечает Ричард Н. Лебоу, за таким обращением к классическим текстам кроется не только любопытство историка, но и релевантность этих текстов сегодняшнему дню и возможность использовать содержащиеся в них идеи в качестве опоры для дальнейших исследований⁶.

Статья состоит из трех разделов. В первом мы рассмотрим ценностный статус суверенитета в политическом реализме; во втором коснемся проблем, связанных с фетишизацией суверенитета, и перспектив интеграции под углом зрения мирового государства; в третьем проанализируем предложенный Моргентау проект возрождения дипломатии. Наконец, в заключении будет дана общая оценка позиции классического политического реализма по вопросам суверенитета и интеграции с учетом современных реалий.

Суверенитет как ценность

Ценность в политическом реализме. В первую очередь необходимо определить, какое место в теории реализма занимает понятие ценности. Это позволит решить две задачи: во-первых, раскрыть содержание суверенитета как ценности, во-вторых, оценить возможности обоснования этой ценности с помощью политического реализма.

Политический реализм в его классическом изводе во многом опирается на методологию Макса Вебера, предполагающую осмысление конкретных событий через соотнесение их с идеальными (чистыми) типами. Хотя идеальные типы отсутствуют на практике или в принципе невозможны, сопоставление с ними помогает лучше понять смысл и действительные мотивы реальных действий.

Среди принципов политического реализма, сформулированных Моргентау в его центральном труде «Политические отношения между нациями» (1948 г.)⁷, особого внимания применительно к обсуждаемой нами проблематике заслуживают следующие два. Во-первых, при рассмотрении мира политики реализм исходит из убеждения, что человеческая деятельность подчиняется закономерностям, которые поддаются анализу.

¹ *Весьма показательно в этом плане речь, произнесенная Дональдом Трампом 19 сентября 2017 г. на Генеральной Ассамблее ООН, где понятие «суверенитет» упоминалось более 20 раз (Patrick 2017). См. также Remarks 2018; Forsyth 2018; Malcolm 2019.*

² *См., напр. Babones 2018; Schaefer 2018.*

³ *Gilpin 1984: 287—304.*

⁴ *Williams 2005: 82.*

⁵ *См., напр. Molloy 2004, 2006; Williams 2005; Williams (ed.) 2007; Brown 2007; Jütersonke 2010; Neacsu 2010; Rösch 2015.*

⁶ *Lebow 2007.*

⁷ *Morgenthau 1997.*

⁸ *Ibid.*: 4—18.

Во-вторых, ключевым элементом политического является власть, которая выступает в качестве отдельного интереса (ценности). Иначе говоря, политика — это деятельность, направленная на получение, удержание и увеличение власти⁸. Допущение о том, что политика в чистом виде есть борьба за власть, понимаемую как способность контролировать поведение других, позволяет исследовать и оценивать действия политиков. Такое исследование с необходимостью подразумевает интерпретацию этих действий как в большей или меньшей степени ориентированных на власть.

⁹ *Morgenthau 2012*: 109.

Можно ли использовать политический реализм для обоснования власти как ценности? Несмотря на то что политический реализм оценивает действия политиков с вполне конкретной точки зрения, он не отрицает наличия других подходов. Действия, рассматриваемые им с политической точки зрения, могут быть рассмотрены с точки зрения экономики (где главная ценность — богатство), эстетики (где главная ценность — прекрасное), этики (где главная ценность — благо) и наоборот⁹. Выбор политического в качестве идеального типа обусловлен лишь тем, что реальные политики стремятся к власти и участвуют в отношениях власти, и ничего не говорит о ценности власти *per se*.

Другими словами, политический реализм лишь констатирует тот факт, что власть является ценностью для некоторых людей и их действия легче интерпретировать, встав на их позицию. Утверждать, что это обосновывает безусловную ценность власти, — значит совершать натуралистическую ошибку, то есть объявлять нечто хорошим лишь в силу его наличия в природе. Таким образом, политический реализм не может служить обоснованием политики, ориентированной исключительно на интересы государства. Упоминание его в данном контексте — скорее риторический прием. Вместе с тем политический реализм может обозначить потенциальные опасности переоценки власти и суверенитета.

¹⁰ *Morgenthau 1997*: 328.

Власть как ценность. Как уже говорилось, власть, рассматриваемая в качестве особой политической ценности, выступает центральным понятием политического реализма. Суверенитет, если понимать его как верховенство власти на определенной территории, выглядит в этом случае высшей ценностью — как минимум для государства¹⁰. Идеальный политик стремится к суверенной власти и ее сохранению. Кроме того, современное представление о государстве настолько связано с концепцией территориального суверенитета, что утрата последнего может интерпретироваться как прекращение существования государства.

¹¹ *Вебер 2016*: 109.

Рассмотрим подробнее трактовку власти, предложенную Моргантау. Для основателя политического реализма власть — это психологическое отношение между властвующими и подвластными, обеспечивающее первым контроль над действиями вторых. Подобный контроль может осуществляться посредством угроз, обещаний либо авторитета. Нетрудно заметить сходство данной трактовки с определением Вебера¹¹. При этом власть, с точки зрения Моргантау, может быть как легитимной,

¹² *Morgenthau 1997:*
32—33.

¹³ *См. Кожеев 2006:*
15—16.

¹⁴ *См. Williams*
2008: 4—6.

так и нелегитимной¹². То есть нелегитимная власть тоже является властью, а не просто насилием, как в построениях Александра Кожеева¹³ или Бернарда Уильямса¹⁴. Одно и то же слово «power» используется для обозначения двух разных феноменов — внутривластной власти, которая может базироваться на авторитете или удовлетворении потребностей граждан, и способности государства к принуждению других в условиях международной анархии.

Выше уже упоминалось, что власть — не единственно возможная высшая ценность. Однако в рамках нашего рассмотрения важно понять, почему власть в принципе способна оказаться ценностью. Признавая существование других ценностей, политический реализм постулирует, что политическое обладает самостоятельной реальностью и не может быть редуцировано к чему бы то ни было. Задаваясь вопросом о том, почему не срабатывают простые рецепты мира, будь то пацифистская пропаганда, утверждение свободы торговли, образование лиг, заключение конвенций и т.п., Моргентоу приходит к выводу, что в основе такого положения дел лежит проблема политической власти. Интересы государств не просто противоречат друг другу, но и не могут быть принесены в жертву другим интересам, даже если на кону благополучие или само выживание сообщества. Стремление людей к власти реально, и его нельзя нейтрализовать средствами экономики, этики либо эстетики. Истоки подобной ситуации Моргентоу видит в природе человека, предполагающей неустранимое влечение к власти над другими¹⁵.

¹⁵ *Morgenthau*
1974b, 1997.

Почему человеку присуще такое влечение? В своих ранних работах Моргентоу, по сути, обходил этот вопрос, ограничиваясь ссылками на властолюбие человека как на эмпирический факт или, в лучшем случае, апеллируя к авторитетам прошлого. Только в начале 1960-х годов в эссе «Общественная жизнь: любовь и власть» он предпринял попытку дать ответ на него, выдвинув гипотезу о том, что власть есть обратная сторона потребности в любви (признании). Любовь для Моргентоу — это контакт двух людей, при котором их воля совпадает полностью, причем на добровольной основе. Стремление к такому контакту происходит из осознания человеком собственной ограниченности. Смертный человек ищет трансценденции — прежде всего в форме подлинного контакта с Другим, а также через соотнесение себя с вечными ценностями и сущностями. Желание любви настолько сильно, что человек готов идти на принуждение, дабы добиться совпадения воли Другого со своей волей. Такое принуждение может осуществляться посредством обмана либо угрозы насилия, и именно его Моргентоу называет властью (power)¹⁶. Одним из способов гарантировать себе признание является образование политических сообществ, в том числе государств. По справедливому замечанию Роберта Шуетта, для описания этого аспекта функционирования государства Моргентоу de facto задействует введенный Зигмундом Фрейдом концепт сублимации. И если в рамках гражданского общества люди могут рассчитывать на признание со стороны

¹⁶ *Morgenthau 1962.*

¹⁷ См. Schuett 2007, 2009. См. также Craig 2007.

своих сограждан, то, идентифицируя себя с народом и государством, они получают признание на международной арене от других народов и государств¹⁷.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что реализм не содержит в себе обоснования ценности власти и суверенитета, но может быть использован для критического их исследования. Согласно реалистам, представление о власти как о ценности берет начало в природе человека. Человек нуждается в признании других, чтобы преодолеть собственную конечность. Это признание возможно либо в виде взаимной добровольной любви, либо в виде подчинения. Применительно к государству это означает, что оно испытывает влияние двух тенденций — интеграционной и дезинтеграционной. С одной стороны, его граждане, будучи заинтересованы в безопасности и взаимном признании, стремятся к объединению в едином правовом поле. С другой стороны, те же граждане соперничают успехам своего государства на международной арене, причем признание, полученное через такого рода «сублимацию» жажды власти, неизмеримо весомее полученного внутри конкретного сообщества. Первая тенденция подразумевает возможность создания все более крупных политических образований, гарантирующих гражданский мир и расширяющих круг признающих друг друга сограждан. Вторая — непримиримую борьбу государств и все большее их дробление.

Рассмотрим, какие опасности видит политический реализм в развитии второй тенденции.

Суверенитет и интеграция

Два типа международной морали. Исходной точкой рассуждений Моргентау об опасностях, с которыми сталкивается современный мир, выступает тот факт, что начиная с XVIII в. происходит изменение представлений о суверенитете. Все чаще звучат апелляции к естественному праву и/или народу как единому целому. Одновременно утрачивают влияние такие источники авторитета, как Бог и традиция. На смену божественному праву королей и традиционной аристократии приходит воля народа, который правомочен устанавливать для себя какие угодно порядки и не должен ни перед кем отчитываться. Такое положение вещей, с точки зрения Моргентау, несет в себе серьезную угрозу международной безопасности.

В рамках международного порядка, существовавшего в Европе в Средние века и Новое время вплоть до Великой французской революции, суверенитет государств ограничивался целым рядом культурных факторов. Во-первых, почти все европейские монархи исповедовали христианство. Более того, католические государства имели единый надгосударственный источник авторитета в лице римского папы. Во-вторых, европейская аристократия была связана между собой (в том числе кровными узами) подчас сильнее, чем со своими подданными, образуя сообщество людей со схожими интересами и общей культурой.

В-третьих, в этой среде были выработаны общие правила дипломатии, ведения войн и заключения мира. Наконец, у Европы был «противник» или «внешняя среда» в виде территорий, населенных язычниками, подлаживавшими покорению и обращению в христианство¹⁸.

¹⁸ Morgenthau 1997: 260—266. См. также Brown 2007.

По мнению Моргентау, постепенное обособление государств с переходом к республиканским и демократическим формам правления ставит под удар старый порядок, не создавая фундамента для нового. В условиях, когда каждое государство черпает легитимность исключительно из воли народа, не считаясь ни с Богом, ни с международным правом, ни с ценностями других государств, на поверхность выходят самые опасные черты международной анархии, порождая состояние «неизбежности войны».

В мире национальных государств происходит релятивизация морали: каждый народ воспринимает свои ценности как абсолютные и универсальные, подразумевая, что аналогичным образом трактуют свои ценности и другие народы. Тем самым исчезает само пространство для диалога между государствами: каждое из них обладает собственными ценностями и может следовать им как абсолютным, даже если они несовместимы с ценностями других государств. Для обозначения этой ситуации Моргентау вводит дихотомию «универсальная мораль — национальный универсализм»¹⁹.

¹⁹ Morgenthau 1997: 260—263.

Национальный универсализм есть форма морального релятивизма, вытекающая из концепции народного суверенитета. Будучи единственным источником своих властных институтов, народ не имеет никаких стоящих над ним авторитетов и волен выбирать себе какие угодно ценности без оглядки на что-либо или кого-либо. Как следствие, в случае конфликта ценностей народы оказываются перед угрозой тотальной войны, поскольку при отсутствии источников легитимности выше каждого отдельного народа нет и какого-либо надежного способа создать единое ценностное, не говоря уже о правовом, поле для его урегулирования²⁰.

²⁰ Ibid.: 274.

Подобная суверенизация опасна для самого суверенитета. Бóльшая изоляция, более частый отказ от дипломатии в пользу Realpolitik создают ситуацию недоверия и повышают риск войны, которая, вне сомнения, способна нанести суверенитету куда более сокрушительный удар, чем многие из жертв, сопряженные с участием страны в международных организациях и интеграционных проектах. И речь здесь не только о классических войнах, хотя даже в современных условиях их нельзя считать совсем невозможными (особенно в случае разложения Европейского союза), но и о войнах торговых, а также о закрытии границ.

Идея мирового государства. Итак, сохранение суверенитета, будучи целью каждого государства, обладает рядом издержек. Политическая изоляция государств в конечном счете ведет к преобладанию силовой политики и постоянной угрозе войны, причем войны тотальной. Это делает желательным развитие интеграционных проектов, которые

²¹ *Ibid.*: 525—539.

бы остановили процесс обособления и изоляции. Всякая интеграция, однако, подразумевает ограничение свободы и независимости государств. Предельным ее вариантом является создание *мирового государства*. Именно идее мирового государства посвящен раздел в «Политических отношениях между нациями», где рассматриваются перспективы интеграции²¹. Эта идея видится Моргентау весьма привлекательной, так как она открывает путь к предотвращению войн, угроза которых неизбежна при сохранении системы суверенных государств.

²² *Гегель 1990*: 198—200.

Вместе с тем, с его точки зрения, у этой идеи есть серьезный недостаток — она нереализуема, во всяком случае в обозримой перспективе. Во-первых, мировое государство подразумевает единство экономики, инфраструктуры, бюрократического аппарата и т.п., что физически невозможно на нынешнем этапе развития человечества. Во-вторых, у человечества пока нет общей системы ценностей, которая бы объединяла его, подобно тому как единая система ценностей объединяет членов одной нации. Как уже говорилось, государство для Моргентау не просто инструмент поддержания социального порядка, но и образование, позволяющее каждому человеку утолить свою жажду власти путем идентификации с успехами своей нации. Вслед за Гегелем, использовавшим понятие *нравственности* для обозначения коллективной идентичности²², Моргентау полагает, что простого отказа от «права на все» в пользу верховной власти недостаточно для обеспечения порядка и сдерживания насилия — необходима еще общность всех граждан, которой в современном мире обладают нации, легитимирующие себя с помощью национальных мифов. Только в том случае, если все граждане имеют общую идентичность, совпадающую с их гражданством, государство может эффективно разрешать противоречия между интересами индивидов и малых групп²³.

²³ *Morgenthau 1997*: 534—536.

Однако на сегодняшний день нет такой идентичности, которая была бы способна эффективно объединить всех людей мира. Рассматривая возможности слияния человечества в единое общество, Моргентау придерживается пессимистичной позиции. На пути создания подобной идентичности стоит упомянутый выше моральный релятивизм. Отсутствие у людей каких-либо оснований поступать своими ценностями ради любых других отодвигает перспективу преодоления национальных границ и универсализации морали в отдаленное будущее²⁴. Более того, логика национализма содержит в себе предпосылки для дальнейшего дробления по культурному, языковому и историческому принципу²⁵. В такой ситуации любая попытка выработать общую идентичность будет встречать противодействие патриотов. В мире, поделенном на нации, любой, кто ставит во главу угла универсальные ценности в ущерб национальным, лишь ослабляет положение своей страны в мире. То же относится и к культурному сближению с соседней страной, которое вполне может быть воспринято как предательство. Отсюда — неэффективность механизмов международно-правового регулирования: разделение на нации с уникальными системами ценностей приводит к деградации международного права.

²⁵ *Morgenthau 1974a*: 173—174.

²⁴ *Ibid.*: 260—268.

²⁶ Morgenthau 1959.

Скептически оценивая возможность добровольного движения национальных государств к интеграции, Моргентау вместе с тем не исключает, что с появлением ядерного оружия риск гарантированного взаимного уничтожения в случае военного конфликта способен перевесить иные соображения и стать ценностной основой для сближения между ними²⁶. Вооруженное столкновение между государствами в новую технологическую эпоху грозит оказаться настолько разрушительным, что делает бессмысленными сами государства. В ситуации ядерной войны никакая армия не защитит мирное население от уничтожения. Кроме того, если в войнах прошлого смерть на поле боя сулила славу и вечную память, то в случае ядерной войны она, скорее всего, останется незамеченной и бесславной, что обесмысливает подобный путь к реализации стремления людей к признанию²⁷.

²⁷ Morgenthau 1961.

Как бы то ни было, какого-либо пути к реализации проекта мирового государства либо интеграции у Моргентау даже не намечено. Дело ограничивается констатацией того, что интеграция необходима, а система национальных суверенных государств — все более опасна. Здесь проявляется склонность реализма ставить проблемы так, чтобы они казались принципиально неразрешимыми. В то же время Моргентау намечает определенный образ действий, который если и не объединит государства, то подтолкнет их к созданию пространства для диалога. Речь идет о возрождении дипломатии.

**Дипломатия:
кризис
и возможности
возрождения**

Идеалом международной системы для Моргентау была Европа XVIII столетия. Понятно, что в современном мире воссоздание подобного порядка практически исключено. Народный принцип легитимации власти не допускает образования международной аристократии, которая могла бы выработать общую систему ценностей. В этих условиях для продвижения интеграции необходимы некие новые средства.

²⁸ Morgenthau 1997:
158.

Сам Моргентау возлагает надежды на возрождение дипломатии, в которой видит чрезвычайно важный элемент мощи государства в международной политике. Именно дипломатия позволяет создать из разрозненных факторов (армия, экономика и т.п.) целостный образ государства и задействовать его для влияния на другие государства. Чтобы иметь возможность выполнять свою миссию, дипломатия должна: (1) формулировать задачи с учетом тех ресурсов, которые могут быть направлены на их решение; (2) оценивать задачи и ресурсы других государств; (3) определять, в какой мере эти задачи совместимы друг с другом; (4) использовать для достижения поставленных целей адекватные средства²⁸. В связи с этим Моргентау считает необходимым осуществить ряд мер, которые вывели бы дипломатию из того кризиса, в котором она оказалась, сделав ее способной отвечать на угрозы, порожденные деградацией международного права и утверждением концепции народного суверенитета²⁹.

²⁹ *Ibid.*: 563.

Упадок дипломатии в XX в. Моргентау связывает с тремя крупными проблемами. Первая из них — развитие коммуникационных технологий,

делающих избыточным наличие кадровых дипломатов, прежде всего постоянных представителей в других странах. Демократически избранные главы государств и их министры становятся дипломатами высочайшего ранга, лично ведут переговоры и участвуют в конференциях, не будучи при этом профессионалами и принимая решения с оглядкой на избирателей. Вторая проблема — отвращение к дипломатии, возникшее после двух мировых войн. Дипломаты стали восприниматься в качестве людей, погрязших во лжи и интригах, чьи схемы в конечном итоге приводят к вооруженным конфликтам. Отсюда требование отказа от тайной дипломатии. Однако, по мнению Моргентау, дипломатический процесс должен быть скрыт от обывателей. Хотя народ имеет полное право требовать всеобъемлющей информации о результатах переговоров, его вмешательство в сами переговоры чревато их срывом³⁰. Третья проблема — распространение парламентских процедур на международные отношения. Использование механизма голосования в организациях типа ООН делает ненужным поиск компромиссов и приводит к диктату большинства (государств), навязывающего свою волю меньшинству³¹.

³⁰ Следует заметить, что Моргентау в принципе весьма негативно оценивал растущее влияние общественного мнения на политиков, поскольку, с его точки зрения, оно побуждает последних стараться угодить избирателям здесь и сейчас, даже если грозит катастрофой в будущем.

³¹ *Ibid.*: 569—572.

³² *Ibid.*: 572—575.

В этих условиях, полагает Моргентау, возрождение дипломатии требует соблюдения ею четырех основных правил. Во-первых, дипломатия должна быть свободна от духа «крестовых походов», то есть от заикленности на доктринах и программах. Дипломат не может позволить себе такую роскошь, как отстаивание каких бы то ни было ценностей, будь то строительство коммунизма или права человека, ценой интересов своего государства, не говоря уже о войне. Во-вторых, внешнеполитические цели должны формулироваться через призму национального интереса и опираться на адекватную мощь. В-третьих, дипломаты должны уметь смотреть на ситуацию в мире с точки зрения других государств, оценивая их цели и доступные им средства. В-четвертых, государства (*nations*) должны быть готовы к компромиссу по всем вопросам, не являющимся для них жизненно важными³². Эти правила призывают политиков мыслить в духе политического реализма без фетишизации суверенитета. Наиболее характерен здесь отказ от политических доктрин, то есть готовность приносить национальные ценности в жертву политическому расчету.

Фактически Моргентау требует от дипломатов действовать исходя из того, что власть, а значит, и суверенитет — главная ценность государства. Однако, как мы помним, такой подход может привести к еще большему разобщению государств и снижению уровня международной безопасности. Для решения этой проблемы Моргентау призывает политиков отказаться от любых доктрин и заботиться лишь о сохранении суверенитета безотносительно к своим национальным ценностям, равно как и к ценностям других государств. То есть в качестве пути к преодолению ценностного конфликта между отдельными нациями он предлагает всеобщий нигилизм.

Заключение

³³ *Wendt 2003:*
491—542.

Интеграция — наиболее желательный вектор развития человечества. Единое политическое пространство способно удовлетворить потребность людей как в безопасности, так и в признании. В своей знаменитой статье Александр Вендт провозглашает неизбежность мирового государства³³. Но, несмотря на убедительность аргументов Вендта, его прогноз относится к далекому будущему. Даже если такое государство действительно является подлинной целью истории, сегодня мы видим серьезные отклонения от этого пути. Возможно, в масштабах истории они окажутся не более чем незначительными колебаниями, однако для нас они реальны и значимы. Сложности с интеграцией в Европейский союз малых экономик и угроза выхода Великобритании ставят под вопрос перспективы этого беспрецедентного проекта политической интеграции. Рост изоляционистских настроений может отбросить человечество на десятилетия назад.

Реализм в его классическом изводе не содержит ясных рецептов выхода из подобной ситуации. Отчасти это связано со склонностью реалистов представлять проблемы как результат действия неустранимых сил, отчасти — с их исторической нелюбовью к простым решениям. Моргентгау показывает, что в современных условиях властолюбивая природа человека способна привести к тотальной войне без надежды на мирные переговоры. Однако его рекомендации по поводу того, что можно противопоставить такому развитию событий, и прежде всего ставка на холодный цинизм, не менее пугающи. А значит, поиск новых способов сопряжения мира ценностей и мира политики придется продолжить.

Библиография

- Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*. Т. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гегель Г.В.Ф. (1990) *Философия права*. М.: Мысль.
- Кожев А. (2006) *Понятие власти*. М.: Праксис.
- Babones S. (2018) «Trump's Foreign Policy Successes Show Principled Realism in Action» // *The National Interest*, 26.09. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trumps-foreign-policy-successes-show-principled-realism-action-32042> (accessed on 15.05.2019).
- Brown C. (2007) «„The Twilight of International Morality“? Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the Jus Publicum Europaeum» // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 42—61.
- Craig C. (2007) «Hans Morgenthau and the World State Revisited» // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 195—215.
- Forsyth J. (2018) «Brexit Is a Fight for the Very Sovereignty of Our Nation» // *The Spectator*, 15.12. URL: <https://www.spectator.co.uk/2018/12/brexit-is-a-fight-for-the-very-sovereignty-of-our-nation/> (accessed on 15.05.2019).
- Gilpin R. (1984) «The Richness of the Tradition of Political Realism» // *International Organization*, vol. 38, no. 2: 287—304.

Jütersonke O. (2010) *Morgenthau, Law, and Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lebow R. (2007) «Texts, Paradigms, and Social Change» // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 241–268.

Malcolm N. (2019) «Brexit Is about Sovereignty and Parliament Must Respect That» // *Financial Times*, 25.01. URL: <https://www.ft.com/content/e0b30912-1fff-11e9-a46f-08f9738d6b2b> (accessed on 15.05.2019).

Molloy S. (2004) «Truth, Power, Theory: Hans Morgenthau's Formulation of Realism» // *Diplomacy & Statecraft*, vol. 15, no. 1: 1–34.

Molloy S. (2006) *The Hidden History of Realism: A Genealogy of Power Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Morgenthau H. (1959) «What the Big Two Can, and Can't Negotiate» // *New York Times Magazine*, 20.09.

Morgenthau H. (1961) «Death in the Nuclear Age» // *Commentary*, Sept. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/death-in-the-nuclear-age/> (accessed on 15.08.2019).

Morgenthau H. (1962) «Public Affairs: Love and Power» // *Commentary*, March: 247–251.

Morgenthau H. (1974a) «Justice and Power» // *Social Research*, vol. 41, no. 1: 163–175.

Morgenthau H. (1974b) *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.

Morgenthau H. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.

Morgenthau H. (2012) *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan.

Neacsu M. (2010) *Hans J. Morgenthau's Theory of International Relations: Disenchantment and Re-Enactment*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Patrick S. (2017) «Trump's Sovereignty Doctrine» // *U.S. News & World Report*, 23.09. URL: <https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-09-23/what-donald-trump-got-right-and-wrong-about-sovereignty-at-the-un> (accessed on 15.05.2019).

Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly. (2018) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (accessed on 15.05.2019).

Rösch F. (2015) *Power, Knowledge, and Dissent in Morgenthau's Worldview*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Schaefer B. (2018) «President Trump at the UN: An Unapologetic Defense of „Principled Realism“» // *The Heritage Foundation*, Sept. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/president-trump-the-un-unapologetic-defense-principled-realism> (accessed on 15.05.2019).

Schuett R. (2007) «Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics» // *History of the Human Sciences*, vol. 20, no. 4: 53–78.

Schuett R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations: The Resurrection of the Realist Man*. New York: Palgrave Macmillan.

Waltz K. (2007) *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill.

Wendt A. (2003) «Why a World State Is Inevitable» // *European Journal of International Relations*, vol. 9, no. 4: 491—542.

Williams B. (2008) «Realism and Moralism in Political Theory» // Williams B. *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton University Press: 1—17.

Williams M. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. New York: Cambridge University Press.

Williams M., ed. (2007) *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.

ПОЛИТА

S.A.Kucherenko

SOVEREIGNTY AND INTEGRATION IN POLITICAL REALISM

Sergey A. Kucherenko — Graduate Student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*. Email: oldjeffrey93@gmail.com.

Abstract. One of the most significant trends of the recent years in world politics is the growing skepticism regarding integration projects and international institutions per se. The right-wing populist wave that has swept through the Western democracies is accompanied by an increase in rhetoric claiming the harmfulness of integration and the importance of protecting sovereignty. At the same time, such attitudes are often associated with political realism.

Political realism is an extremely diverse direction in the theory of international relations. The author does not claim to analyze all its varieties and instead focuses on the approaches to the problem of sovereignty and integration developed by Hans Morgenthau, the founder of political realism who played a key role in its formation.

The analysis carried out by the author shows that political realism in its classical version cannot serve as a justification of sovereignty being the highest value. In fact, it can be used to criticize a belief system that emphasizes the importance of sovereignty. At its extreme political entities' aspiration for isolation leads to the disintegration of the world community into many states that are unable to communicate with each other except from a position of power, which endangers international security. As a result, realism postulates the need to overcome the trend towards sovereignty through integration. However, it does not even envisage any real solutions to this problem. According to the author, the

project proposed by Morgenthau to revive diplomacy as a way to unite the states or at least push them to create a platform for a dialogue, cannot play this role, which indicates the need to find fundamentally different solutions.

Keywords: sovereignty, political realism, integration, Hans Morgenthau

References

- Babones S. (2018) “Trump’s Foreign Policy Successes Show Principled Realism in Action” // *The National Interest*, 26.09. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trumps-foreign-policy-successes-show-principled-realism-action-32042> (accessed on 15.05.2019).
- Brown C. (2007) “„The Twilight of International Morality“? Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the Jus Publicum Europaeum” // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 42–61.
- Craig C. (2007) “Hans Morgenthau and the World State Revisited” // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 195–215.
- Forsyth J. (2018) “Brexit Is a Fight for the Very Sovereignty of Our Nation” // *The Spectator*, 15.12. URL: <https://www.spectator.co.uk/2018/12/brexit-is-a-fight-for-the-very-sovereignty-of-our-nation/> (accessed on 15.05.2019).
- Gilpin R. (1984) “The Richness of the Tradition of Political Realism” // *International Organization*, vol. 38, no. 2: 287–304.
- Hegel G.W.F. (1990) *Filosofija prava* [Grundlinien der Philosophie des Rechts]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Jütersonke O. (2010) *Morgenthau, Law, and Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kojève A. (2006) *Ponjatje vlasti* [La Notion d'autorité]. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Lebow R. (2007) “Texts, Paradigms, and Social Change” // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 241–268.
- Malcolm N. (2019) “Brexit Is about Sovereignty and Parliament Must Respect That” // *Financial Times*, 25.01. URL: <https://www.ft.com/content/e0b30912-1fff-11e9-a46f-08f9738d6b2b> (accessed on 15.05.2019).
- Molloy S. (2004) “Truth, Power, Theory: Hans Morgenthau’s Formulation of Realism” // *Diplomacy & Statecraft*, vol. 15, no. 1: 1–34.
- Molloy S. (2006) *The Hidden History of Realism: A Genealogy of Power Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Morgenthau H. (1959) “What the Big Two Can, and Can’t Negotiate” // *New York Times Magazine*, 20.09.
- Morgenthau H. (1961) “Death in the Nuclear Age” // *Commentary*, Sept. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/death-in-the-nuclear-age/> (accessed on 15.08.2019).
- Morgenthau H. (1962) “Public Affairs: Love and Power” // *Commentary*, March: 247–251.

- Morgenthau H. (1974a) "Justice and Power" // *Social Research*, vol. 41, no. 1: 163–175.
- Morgenthau H. (1974b) *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Morgenthau H. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.
- Morgenthau H. (2012) *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan.
- Neacsu M. (2010) *Hans J. Morgenthau's Theory of International Relations: Disenchantment and Re-Enactment*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Patrick S. (2017) "Trump's Sovereignty Doctrine" // *U.S. News & World Report*, 23.09. URL: <https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-09-23/what-donald-trump-got-right-and-wrong-about-sovereignty-at-the-un> (accessed on 15.05.2019).
- Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly*. (2018) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (accessed on 15.05.2019).
- Rösch F. (2015) *Power, Knowledge, and Dissent in Morgenthau's Worldview*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Schaefer B. (2018) "President Trump at the UN: An Unapologetic Defense of „Principled Realism“" // *The Heritage Foundation*, Sept. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/president-trump-the-un-unapologetic-defense-principled-realism> (accessed on 15.05.2019).
- Schuett R. (2007) "Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics" // *History of the Human Sciences*, vol. 20, no. 4: 53–78.
- Schuett R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations: The Resurrection of the Realist Man*. New York: Palgrave Macmillan.
- Waltz K. (2007) *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill.
- Weber M. (2016) *Hozjajstvo i obshchestvo: Ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie]. Vol 1. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Wendt A. (2003) "Why a World State Is Inevitable" // *European Journal of International Relations*, vol. 9, no. 4: 491–542.
- Williams B. (2008) "Realism and Moralism in Political Theory" // Williams B. *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton University Press: 1–17.
- Williams M. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. New York: Cambridge University Press.
- Williams M., ed. (2007) *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.